

НЕКРОЛОГИ 1910 ГОДА.

I.

Князь Д. Н. Долгорукій.

Юля 20 въ маститой старости скончался князь Дмитрій Николаевичъ Долгорукій, правнукъ князя Василя Михайловича Долгорукова-Крымскаго, по матери родной внукъ дорогаго Москвѣ князя Дмитрія Владимировича Голицына. Въ непосредственныхъ преданіяхъ его поколѣнія—только благородство, только прямая, безхитростная заслуга передъ родиной. Усопшій нынѣ князь былъ вѣренъ завѣтамъ своихъ предковъ, и никакія перемѣны общественныя и политическія не побудили уклониться этого кроткаго и съ виду какъ будто простоватаго человѣка отъ этихъ завѣтовъ. Былъ онъ другомъ просвѣщенія, много читалъ, самъ иногда брался за перо для печати и дорожилъ памятниками родной старины. Послѣдніе годы свои онъ провелъ въ родовомъ своемъ помѣстьѣ, въ такъ называемой, Волинщинѣ не подалеку отъ города Рузы, гдѣ съ твердостью переносилъ постигавшіе его удары судьбы. Память его съ похвалами.

II.

Н. А. Кирѣевъ.

Въ Павловскѣ 13 Юля скончался Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ, столѣтній и въ Германіи богословъ. Это сынъ воспитанной Пушкинымъ и Языковымъ красавицы. Отецъ его (о которомъ не разъ говорится въ „Русскомъ Архивѣ“ 1906 года, въ письмахъ Рожалина), получившій образование въ Германіи, былъ пріятелемъ братьевъ Кирѣевскихъ и, можетъ быть, отъ него Н. А. Кирѣевъ занялся любовью къ занятіямъ философіей и богословіемъ. Мы помнимъ, что, бывая въ Москвѣ, Императоръ Николай Павловичъ посѣщалъ мать Кирѣева (жившую у Власія въ домѣ Пулло) и конечно тогда же узналъ двухъ ея сыновей, изъ которыхъ старшій, красавецъ собою и необыкновенно походившій лицомъ на Государя, погибъ добровольцемъ въ Сербско-Турецкую войну. Конечно, Николай Павловичъ милостиво позаботился о судьбѣ и его брата. Было время, когда Великій Князь Константинъ Николаевичъ много занимался Русскою церковною стариною и вопросами богословія, говорили даже, что въ Мраморномъ дворцѣ была устроена особая часовня на старообрядческій ладъ. Н. А. Кирѣевъ сопровождалъ его на публичныя засѣданія, гдѣ обсуждался вопросъ объ исхожденіи Святого Духа. Съ раннихъ поръ Кирѣевъ состоялъ при Великомъ Князѣ, хотя въ послѣдствіи уже не былъ къ нему близокъ, а по удаленіи Его Высочества изъ Петербурга только числился при немъ и по его кончинѣ оставался при Августѣйшей его супругѣ. Труды Кирѣева печатные и письменные могутъ составить достопамятную книгу, и его имя не можетъ умереть въ потомствѣ.

Такъ и не дождался онъ Вселенскаго Собора, котораго ждала преданная православію душа его.

III.

К. П. Степановъ.

(14 Іюля). Клавдій Петровичъ принадлежалъ къ числу немногихъ Русскихъ патріотовъ, которые не потеряли ни бодрости, ни вѣры въ свой народъ даже при неслыханномъ паденіи Россіи нашихъ дней. Почившій, приходя въ негодованіе и недоумѣніе отъ всего, нами пережитаго и устраиваемаго, сохранялъ твердую вѣру въ то, что душа Русскаго народа осталась совершенно прежнею, и что только вліяніе сбившейся съ пути, но захватившей власть интеллигенціи держитъ Россію въ ея современномъ уродливомъ состояніи. Онъ и въ политикѣ не придавалъ никакого особеннаго значенія нашимъ новымъ учрежденіямъ и былъ увѣренъ, что Русскій народъ постепенно начнетъ указывать правительству, что требуется дѣлать. Какъ художникъ, покойный К. П. Степановъ не представлялъ себѣ этого въ юридическихъ формахъ, да и не считалъ этого важнымъ: лишь бы народъ *зналъ*, чего хочетъ, а всегда сдумѣетъ побудить власти на исполненіе этого. И—это онъ твердо вѣрилъ—непремѣнно будетъ.

Эта вѣра въ Русскій народъ окрыляла его и въ художествѣ, гдѣ онъ ставилъ своею задачей развить „хоровое“, коллективное творчество, особенно, по природѣ его, свойственное Русскому человѣку. К. П. Степановъ испыталъ эту свою идею при росписи храма-усыпальницы Великаго Князя Сергѣя Александровича и любилъ приводить этотъ примѣръ той стройности сліянія силъ, къ какой способны Русскіе даже въ, казалось бы, субъективномъ дѣлѣ художественной работы. Организациія школы иконописи, которой почившій отдался всею душой, была связана у него съ тою же идеей воскресенія родного художества на чисто-Русскихъ психологическихъ основахъ.

Всѣ эти планы и замыслы, подорванные болѣзнью, теперь преемлены смертью. Что разовьется изъ нихъ, что сохранится при его отсутствіи—покажетъ время. Но, уходя въ могилу, покойный оставляетъ намъ примѣръ живого Русскаго таланта, думающаго и творящаго по своему, ищущаго и умѣющаго находить свои собственные пути. И если древніе Римляне сочли приличнымъ почтить разбитаго полководца тріумфомъ за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества, то тѣмъ болѣе мы теперь должны почтить память гражданина и художника, сохранившаго въ тяжкіе дни всю свѣжесть вѣры въ свой, Русскій, народъ, всю энергію желанія работать для этого народа и вмѣстѣ съ нимъ и всю увѣренность въ плодотворности такой работы.

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей).

